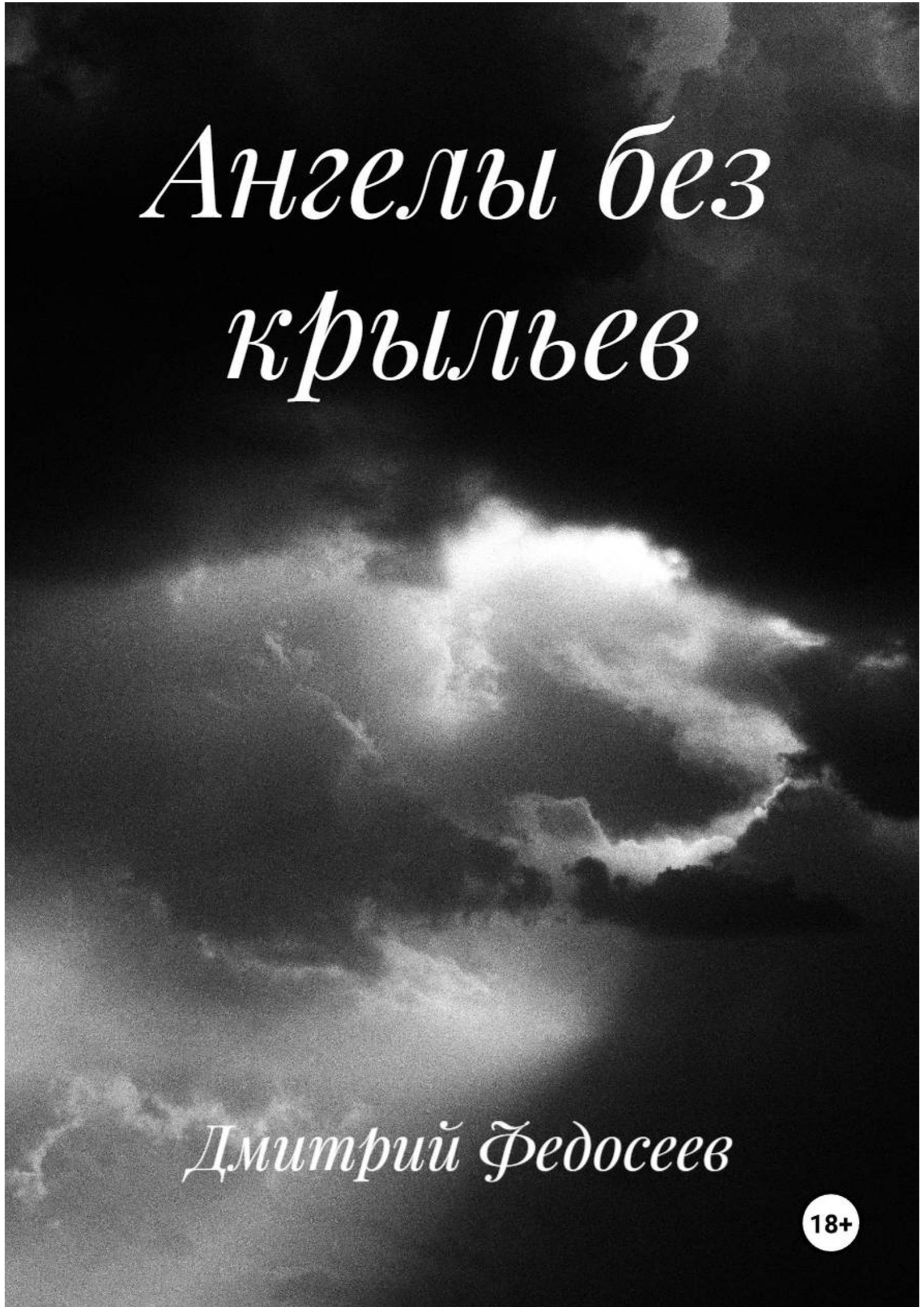

Ангелы без крыльев

Дмитрий Федосеев

18+

Дмитрий Федосеев
Ангелы без крыльев

«Автор»

2026

Федосеев Д. А.

Ангелы без крыльев / Д. А. Федосеев — «Автор», 2026

Когда-то это был счастливый высокоразвитый мир. До катастрофы. Люди смогли пережить её, пережить самые страшные и тёмные времена, но при этом потеряли часть себя, частичку света, что согревала даже в лютые морозы. Теперь же этот край затянуло тьмой, сквозь которую почти не проглядывают лучи небесных светил, в лесах обитают страшные твари, готовые вмиг обглодать косточки, поля зачахли, многие технологии забыты, а в воздухе буквально витает яд разложения. Теперь здесь каждый за себя, не у кого просить помощи и справедливости. Вот только — чем темнее ночь, тем ярче светит даже самый маленький, самый тусклый огонёк.

© Федосеев Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Легенды о башнях	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Федосеев

Ангелы без крыльев

Глава 1. Легенды о башнях

Дождь. Проклятый дождь шёл уже почти месяц, противно морося целыми сутками; порой он делал короткие перерывы, чтобы восстановить силы и дать ложную надежду, порой, наоборот, из мелкого вырастал целый ливень. Но в основном это было что-то среднее между густым туманом и мелким дождём, тоскливое, гадкое, действующее на нервы.

Холод. От собачьего холода не спасала никакая одежда. Он пробирался сквозь любые, даже самые мелкие дырочки, доставал через кожу и мышцы до самых костей. Особенно рьяно впивался в лицо и незащищенные руки, главным образом обращая внимание на участки, на которые уже успели попасть капельки дождя.

Тьма. Густая тьма расплылась по округе. Даже днём она лишь слегка расступалась, превращаясь в сумерки, но никогда теперь не отступала полностью. Даже простой керосиновый фонарь светил порой ярче, чем силуэт Солнца на небе. Мир погрузился во тьму.

Я шёл по раскисшей дороге, хлюпая по лужам. В фонаре кончалось топливо, поэтому пришлось прикрутить его на самый минимум, отчего не было видно ничего, что находилось дальше моего носа. Но я отметал любые мысли о возвращении ещё в самом зародыше. И упорно шёл вперёд.

Где-то сзади раздался тихий скрип. Я сошёл с дороги, подождал и, когда телега поравнялась со мной, негромко заговорил с возчиком:

— Здорова. Подбросишь?

— И тебе не хворать. Куда?

Я ненадолго задумался:

— В Тотенштайн.

— Садись, туда же еду.

Я одним прыжком заскочил в телегу. Немного поворочался, выбирая удобную позу и внимательнее посмотрел на возчика. Это был старик лет шестидесяти — шестидесяти пяти, а может и больше. Сухонький, в тёплом, но поношенном тулупе. Небольшая, уже седая борода. И внимательные, я бы даже сказал, мудрые глаза.

— На, держи, — дед протянул мне ещё один тулупчик. На вид тот словно прошёл не одну мировую войну. Но я взял, укутался и поблагодарил старика, ибо только сейчас осознал насколько замёрз, — Ну и погода, верно?

— Да уж. Как-то выходил будто теплее было. А чуть прошёл — хоть костёр разводи, холодрыга. И возвращаться уже как-то...

— Понимаю... — старик достал самокрутку, закурил. Достал вторую, протянул мне.

— Спасибо, — я с удовольствием затянулся. И встрепенулся, — А ты чего это везёшь? Что-то дорогое?

Дед ухмыльнулся:

— Будешь грабить старика, который тебя подвозит?

— Не я, так кто-то другой.

Тот покачал головой:

— Не выдумывай, нет у меня ничего годного. Разве что плохонькая кобыла да кiset с махоркой. Но ими ты и так уже пользуешься.

— А это что? — я указал на потёртый чемоданчик.

— Да так, барахло стариковское. К другу старому еду, хочу с ним посидеть немного, повспоминать молодость, пока могила не забрала. Погляди на меня — разве я похож на того, у кого целый чемодан золота в телеге?

— Ладно, — махнул я, — Но если узнаю, что обманул — могила не заставит себя ждать.

— Ведомо дело, — кивнул старик.

Я затаился самокруткой, повернувшись к лесу, который мы проезжали. А тот с каждым днём становился всё более жутким и мрачным. Привычные когда-то деревья с кронами листьев сейчас стояли мёртвыми остовами; большинство из них даже на дрова годились с натяжкой — настолько они были изъедены и побиты гнилью. На смену им пришли уродливые узловатые и в большинстве колючие щупальца неведомых растений, которые одним своим видом прямо говорили, что лучшие года планеты и человечества прошли, осталось только доживать свой век, влача жалкое существование.

— "Не я — так кто-то другой", — прервал мои тревожные мысли дед, — Ты думаешь, все люди нонче только грабят и убивают?

— Не все, конечно. Только те, что хотят выжить. Ты, видимо, не местный, коль этого не знаешь, да только по дороге даже до башни Тотенштайна тебя бы ограбили или обворовали по меньшей мере раз пять.

— Да уж, хорошая жизнь пошла, — вздохнул старик, — Ты прав, не местный я. Далёкий путь держу... А что за башня такая? Красивая?

Я поперхнулся дымом:

— Ты чего, дед, из ума выжил? Ещё скажи, что про Странника ничего не слышал. Об том же каждая собака и дитё ведаёт, а у тебя борода уже седая.

— Не слышал, — пожал плечами тот, — Говорю же: далёкий путь держу, не одни сутки еду. И живу в глуши, обмолвиться толком не с кем.

— Хе! Ну ты даёшь! Ладно, расскажу, хоть мне эта история уже комом в горле и стоит. Может слыхивал, до нас на земле этой жил причудливый народец. Не было у них ни бедных, ни богатых; равны были все и пред судом, и по правам. Поговаривают, что там было столько еды диковиной, столько богатства, что хватало всем и посему можно было даже не работать. Но в эту брехню даже дети уж не верят: работать не нужно, а тебя просто так кормят, как же, держи карман шире.

Так вот. Случилось у них однажды что-то страшное. Кто-то говорит, что испытания какие-то проводили, да не по плану прошло. Кто-то уверяет, что чума неведомая с небес спустилась за козни супротив бога. А кто-то и вовсе уверяет, что сам дьявол выбрался из ада да ниспослал на землю ужасы первородные. Как оно точно было — уж не скажет никто наверняка, да только оттуда всё и началось. Затаило небо мрачной теменью: и ночью, и днём ни зги не видать, даже хлеще, чем сейчас. Холодина лютая повсюду и голод тотчас пришёл. Да ещё бы его не было: поля да леса гнить заживо стали, зачахли без света солнечного тотчас. Да и большинство животины передохло. А некоторые из них, что ещё хуже, переродились, адаптировались к новым условиям да принялись людей жрать, ибо другой еды и не сыскать было.

В общем, ужасные времена были. Люди мёрли, как мухи. Свиристствовали новые болезни. Плодородные поля сменялись пустошами. Там, во тьме, за деревьями жила Смерть, которая с каждым днём забирала всё большую дань...

Но не отчаялись люди, ибо в груди они смогли сохранить частички света. Собрались они тогда все вместе да построили башни. Высокие да непростые. Одна из таких у Тотенштайна теперича и стоит.

И одной особенно тёмной ночью, когда башни достроенные уже стояли, собрались люди снова подле них; принялись заклинания необычные толковать. Спустились тогда к ним ангелы, взяли их за руки, встали рядом с ними и зашептали те же молитвы. А после, поднялись из тел людей да ангелов, прямо из груди, искорки света того да устремились в небо, прямиком

к башням. И зажглись башни так ярко, что разогнали тьму тотчас; горели и грели не хуже Солнца настоящего.

Вернулись люди к жизни нормальной. Поля заколосились, животины в стойлах завелась сызнова. И болезни с чудищами отступили, забились в глухих лесах. Да только не навсегда.

Забывать люди стали и про башни, и про свет в груди. С каждым днём всё тусклее и тусклее те горели, потихоньку-помаленьку, незаметно совсем. А люд и не хотел замечать — не до того же было: все про свою крышу над головой думали, про своё поголовье да про свою рубаху, что ближе к телу. А башни... Что башни? Они-то общие — ну пусть кто-то другой и идёт ремонтировать, коли ему надобно.

Да вот только проснулись люди однажды, а вокруг — только темень. Погасли башни совсем. Люди хотели уж собраться обмозговать, что делать дальше, но тогдашний управляющий объявил: башни, мол, совершенно вышли из строя, построить новые не из чего, а чтобы горели они дольше, то и невозможно вовсе, посему нужно отпустить сию глупую затею и существовать дальше, вернуться к тому же устройству, по которому жили ещё деда, ибо башни, единство, братство и равенство — то путь тупиковый. И тут сложно не согласиться: идеи-то совершенно утопические.

Но ходит молва, что однажды появится некий Странник. Одетый, обутый он будет необычно — что люди во времена горящих башен: пальто-пиджак, эти самые... как их... брюки, вот! То такие чудные штаны со стрелками. Ботинки исключительные тоже — лакированные, блестящие. Да будет чемоданчик при нём обязательно. А в чемоданчике том свет находится. Та самая искорка, что не затухла после стольких лет тьмы царствующей. Прибудет, мол, он к башне да и выпустит свет. Тогда снова спустятся с небес ангелы и зажгут опять башни могучие. И уйдёт тьма на веки вечные.

Я докурил самокрутку, погасил о борт телеги и пальцем красиво запустил её в лес. А старик почесал затылок:

— А чего ж башни — затеи утопические? Светили же, горели. Значиться, работали.

— Работали-то работали. Чёрт его правда разберёт сколько, но работали. Да вот только построить даже одну новую — это столько народу нужно согнать, что ты, поди, за всю жизнь и не видел. А главное — никто ж те заклинания не помнит, которыми их зажигали, так что построить можно. Да, сложно, дорого, долго, но можно. А вот что дальше... — я развёл руками, — А про равенство и вовсе молчу. Ну не равны люди от природы! Разве я, здоровый взрослый мужик, который кидает мешки полные одной левой, должен получать столько же, сколько получает щуплый дохляк, который только под ногами мешается, да мешок тот один в полчаса еле-еле в телегу грузит? Э, нет, брат, нам такого равенства не надо.

— Равенство — это ж не только про зарплату. И не столько. Это про возможности, про права, про ответственность.

— И что же? Получается, у алкашей из касты ренегатов будет столько же прав, что и у управленцев и господ? Ты хоть представляешь, что эти отщепенцы наворотят?! Да даже от одной мысли, что дети этих... нечестивцев будут ходить в одну школу с моими детьми, меня просто выворачивает! Они же гадят там где спят, сношаются друг с другом — не важен пол и возраст и какого рода, и у них совершенно отсутствуют традиционные ценности! Это же просто людская помойка!

— Не сознание людей определяет их бытие, а, напротив, их бытие определяет их сознание. Этих людей отчасти можно понять — лишь за то, что они не были согласны с властью имущими, их вышвырнули из домов, отняли работу и запретили практически всё. Окромя жрать, как свиньи, да плодить нищету. Многие после такого разжалования кончают с собой, другие ломаются, им больше не зачем существовать, не за чем быть хорошими людьми. Их жизнь рушится в одночасье и навсегда. Они спиваются от скуки и отсутствия альтернатив, спиваются, потому что не могут быть больше полезными ни для себя, ни для других, спиваются, потому

что это единственный способ забыться хоть на мгновение, что их будущее, будущее их детей украли навсегда.

Неужели ты правда думаешь, что их самих устраивает такая жизнь? Что им нравятся запахи испражнений по утрам, нравятся оплывшие рожи, в которых сложно узнать тех мечтателей, тех увлечённых, преданных делу и наивных молодых людей? Ты правда думаешь, что люди с детства мечтали о такой жизни?! По-твоему, дай этим людям, их детям в достатке еды, воды и кров над головой, то они бы целыми днями только спали и жрали до конца жизни?

— Да! Именно так! Безумные леваки тоже у нас говорят о том, что сейчас достаточно ресурсов, чтобы каждого накормить, напоить и дать кров. Да только выдай всем такого, и уже завтра на заводах не будет ни души! Ты реально думаешь, что люди, которым и так уже вообще-то неплохо, пойдут работать просто по доброте душевной? Оглянись вокруг! Доброта пропала без вести лет эдак триста назад!

— Можешь меня ругать, можешь ругать человечество, но да, именно так я и считаю. Помимо еды и крова у людей есть и другие побуждения к работе. Я не спорю, что это нужно вводить как-то постепенно, чтобы люди, как ты говоришь, не забили на заводы и работу. Но, если делать по-умному, со временем, то сработает знатно. Более того, это явно улучшит жизнь людей. Никто не будет работать на заведомо опасных производствах, поэтому будет мотив улучшать процессы производства. Никто не будет терпеть тупость начальника. Никто не будет работать по две-три смены, чтобы прокормить семью, тем самым загоняя себя в могилу. От этого вырастет и эффективность производств, и состояние самих людей, что, не будем греха таить, сразу же отразится и на улучшении демографии.

— Эка ты выдал! Демографии! Люди не плодятся, потому что они зажрались! Вот раньше, когда тьма опустилась впервые, бабы и по семь детёв рожали, и это в те времена, когда самим жрать нечего было! Рожали, потому что знали, что надо, рожали, потому что традиционные ценности соблюдали да заветам предков следовали. А сейчас что? Сначала дай отучиться, потом на ноги встать, потом квартиру, телегу, лошадь, поле... и мешок золота. А потом, когда наконец-то всё получили — оглядываются, а уж и рожалка не рождает. Я согласен, что нужно отучиться, хоть как-то на ноги встать, но не до сорока пяти сидеть ждать же! Дал бог зайку — даст и лужайку.

— Бог дал, бог взял, — ввернул старик, — Раньше воистину страшные времена были. Рожали, потому что до совершеннолетия доживала, дай бог, половина детей. Да и стандарты жизни как-то пониже были: стояла задача просто выжить. Но долго в таком состоянии жить нельзя — не всякий человек такую ношу выдержит. Сейчас-то по-другому: люди живут, а не выживают и не хотят больше просто выживать, хотят жить, и я их понимаю. И с детской смертностью нонче получше — почти все то и до восемнадцати спокойно растут.

— Предназначение женщины — родить детёв. Они рождены, чтобы дать потомство, каждая женщина. Какие тут могут ещё ей занятия быть? Ей природа уж всё дала и показала.

— Вот как? — хмыкнул он, — Предназначение... Если так подумать, то все люди умирают. Можем ли мы при этом говорить, что предназначение и цель каждого человека в том, чтобы умереть? Что мы рождены, чтобы умереть? Какая-то мрачная философия выходит, не находишь?

Я почесал затылок, а он продолжил:

— Не все мужчины имеют детей, не всем и женщинам суждено родить. Я не говорю, что рожать — плохо. Отнюдь. Это великое дело. Но в мире существуют и некие другие вещи — такие же, а может где-то даже более полезные для общества, для людей вокруг, нежели создание потомства. Наука, творчество, помощь другим людям... Где бы мы были, если бы люди думали только о размножении?.. Да и сам-то ты, чай, без детёв?

Я немного поёрзал, застигнутый вновь нахлынувшими воспоминаниями вечера. И коротко, уже без огонька в словах бросил:

— У меня хаты пока нема. Я ж не могу как эти, ренегатовцы, с женой спать, пока за одной шторкой бабки с дедками кашу варят, а с другой — ребёнок орёт.

Старик на моё удивление не стал надо мной усмехаться или кичиться победой в вопросе спора. Он лишь задумчиво покивал и сменил тему:

— Когда у каждого будет кров, еда и вода, люди не перестанут работать. Как я уже сказал, у человека могут быть и другие стимулы к работе.

Я не удержался и хохотнул. Мне показалось, что старик несёт какую-то ахинею, которую он вбил себе в голову, пока в миллионный раз мучался запором.

— Что, интересно, может заставить работать дядю Вову с нашего завода, кроме сивухи? Я лично, вообще без понятия.

— Такие дяди Вовы всегда были и всегда будут, но ошибка — делать их маркером для всего общества. Адекватный человек может и будет работать не за ломтик хлеба куда лучше и эффективнее. А стимулом ему выступают такие вещи, как общественное признание, чувство полезности не только себе, но и обществу и творческая самореализация. Слышал про разных волонтеров? Им ведь не платят за работу.

— Волонтеры — это неудачники, которые не могут заработать себе на кашу и потому идут волонтерить, чтобы их там хотя бы кормили люди добрые. Ну ещё щепотка людей, у которых уже всё есть и им лень нормально работать.

— Очевидно, ты и впрямь о них только и слышал, да не был знаком. Ты б сильно удивился... Ну а сам-то? Не желал никогда сделать что-то такое... Чтоб всем окружающим оттого радостно стало? Вот просто так, потому что захотелось, а не от любви к деньгам.

— Деньги-то я не люблю. Чего их любить-то? Бумажки да железки. Опять же погибло людей вон сколько из-за них. Хороших и не очень. Да только деньги — то путь к хорошей жизни для тебя и твоих близких. Путь, как ты сказал, не терпеть тупого быдло начальника, путь не жрать каждый вечер холодные застывшие и пресные макароны из хрен знает чего сделанные, путь дать детям то, чего не было у тебя. Сейчас всё вращается вокруг них. За них можно всё купить, можно всё продать. Будто бы только они сейчас и имеют значение... И весь мир оценивает тебя, твой вклад, твою никчёмность по этим чёртовым бумажкам, по тому, сколько их в твоём грязном кошельке...

Но где-то ты попал в самую точку, — я тяжело вздохнул, — Заметил в каких халупах сейчас живут почти все? Да что там, уверен, у тебя хибара-то не лучше, а то и вообще землянка! Вон, погляди, — я ткнул в разваливающуюся грязную и покосившуюся таверну на перекрёстке, мимо которой мы как раз проезжали, — Это ж руины, мать божья! Вон, погляди-погляди на доски! Да сквозь них можно скоро будет проходить, даже двери не касаясь! А на эту замшелую крышу, которая, уверен, течет нещадно прям в суп посетителям! Ладно таверняк, аль кабак какой — да и хрен бы с ними, неча туда шастать, но такая же хрень и с яслями да школами! Да с такими дырами в крышах можно перелётных птиц прямо в классе учить!

А мы меж тем с завода всю цемьянку, все кирпичики токма на продажу за бугор возим. Всё, до последней песчиночки! Ясен хрен — там-то за золото покупают, в твёрдой валюте, так сказать. А то, что мы себе даже комнатку с тех материалов, что и производим, поставить не можем, что уж говорить о хате; то, что дети наши ходят в школы, которые ещё прадеды посещали — это наплевать! А так бы хоть по кирпичику с партии откладывали — чай, давно бы уже и школу новую сделали, и акведук до ума довели, и на новые хаты, глядишь, хватило бы. Объёмы-то производства немаленькие. Да токма всё не нам, всё этим... забугорным. И вот знаешь, чёрт с ними с деньгами, такое дело бы я и бесплатно зашабашил. Я, конечно, не большого ума строитель, я больше по станкам на производстве, но простенькое строение какое-нибудь уж с мужиками мы б сдюжили. Да вот только кто нам даст...

— А если не спрашивать разрешения? — сказал старик. Я засмеялся, подумав, что это шутка, но на его лице не было и тени улыбки.

— Ты и впрямь из ума выжил, дед! В лагерь решил меня сбегать? Аль в ренегаты? Я даже КПП на заводе не пройду с кирпичом или горстью цемьянки в кармане, мне сразу дубинкой по хребту прилетит!

Старик не ответил, задумчиво почёсывая бороду. Я пожал плечами, решив, что тот просто плохо пошутил. И откинулся назад, подложив под голову руки. Дождь почти перестал идти, и я мог позволить себе немного расслабиться, не прячась от его холодных капель.

— Право слово, я думал, что ты веришь властям и управленцам. Углядел у вас похожие взгляды на мир.

— Когда-то верил, — снова пожал плечами я, — Что они неустанно работают, чтоб нам стало лучше, чтоб жилось всем хорошо, чтоб был мир во всём мире. А потом мне стукнуло девять, и розовые очки как-то свалились. Когда от голода умерла моя мать, да и сам я был на грани смерти, — в горле спёрло, далёкие и уже затёртые донельзя воспоминания всё равно причиняли боль, — А по радио тогда как раз крутили "великое" событие того года: свадьбу дочери нашего главного управленца. Всё рассказывали и хвалились про столы, которые едва выдерживали яства, про фонтан из шоколада, про напитки... И всё от лучших наших да заморских поставщиков и приготовленное первыми шеф-поварами мира. И пока они разрезали самый огромный торт в мире, я хоронил в саду самого дорого мне человека...

Старик мягко похлопал меня по спине. А я украдкой протёр глаза и продолжил:

— Да и сейчас ничего не изменилось, придут новые силы — тоже ничего не изменится. У них там сверху всё схвачено, всё куплено, всё продано. Им когда-то повезло оказаться в нужное время в нужном месте, а теперь живут в своё удовольствие да только и думают, как бы половчее ещё людям в карманы залезть, дабы последние крохи синтетического хлеба и опостылевшие грибы забрать. Всё, что было в стране — всё продали и разворовали. Глядишь, и нас с тобой, старче, продали б, да только мы никому не нужны!

Сейчас я уже ни во что не верю, ни в Странника, ни в демократию, ни в партии. Везде будут люди, которые дорвутся до власти, узурпируют и будут менять будущее бедных детей на роскошное будущее богатых. Одно ворьё да жульё повсюду, и ничего святого, ничего человеческого. Только грязь, мрак и деньги...

— Готовь гнилые овощи, — усмехнулся дед, — Что, если я тебе скажу, что управленцы и прочие бюргеры с большими кошельками тоже рабы системы как и пролетарии?

— Я ему серьёзно, душу, можно сказать открываю, а он всё чепуху несёт! — я резко сел и отвернулся от противного старика.

— Нет, ты сначала дослушай, — мягко сказал дед и потянулся за кисетом, но потом, взвесив, вздохнул и отложил, — Оно со стороны много чего кажется и много чего можно об людях придумать. Но только стоит немного пообщаться или хотя бы немного подумать своей головой, то многое станет ясным, как день до катастрофы.

Вот возьмём владельца твоего завода. Безусловно, он не испытывает те же трудности, что и его рабочие. У него есть доступ к хорошей медицине, отличный дом и наверняка не один, всегда изысканные блюда и напитки. Дети, опять же, учатся не "птиц считать", а в нормальном тёплом классе. Казалось бы — благодать, живи да радуйся. Ан нет, не всё так просто. Захочет он зарплату рабочим повысить в пять раз, ну вот просто, по доброте душевной — не тут-то было. Сразу же придут серьёзные люди и объяснят, почему так делать не нужно и почему важно удерживать оплату труда на низком уровне на всех предприятиях страны. Или вот выйдет он на балкон в своей усадьбе, скучно ему станет, глядь по сторонам: а там только инструменты и конкуренты! Нет людей толком, не с кем искренне пообщаться, влюбиться. Устанет он от всего этого, ляжет спать: а сон не идёт. Плынут только перед глазами риски, кризисы, колебания рынка, успех конкурентов... А капитал при всём при этом ждать тебя из отпуска не будет — ему треба работать, и тебе вместе с ним, иначе он обесценится. Али приедут ребятушки-реке-

тирушки и заберут всё то, чем не пользуешься, а тебя в ренегаты быстренько определяют, чтобы вернуть ничего не смог. Тоже не сахар жизнь, получается, верно?

— Ну уж всяко лучше, чем с голоду пухнуть круглый год!

— Я и не спорю, не говорю, что это сравнимо. Имел в виду, что им тоже не так уж сладко и живётся, как многие себе это представляют. Многие, глядишь, и хотели бы уже на пенсию выйти, на отдых, ибо денег уж куры не клюют — чай, до конца жизни не только ему, но и прапрапраправнукам хватит, а вот тоже нет. Вся система завязана, что клубок ниток и просто так его не распутать.

Дед всё-таки снова достал кисет, вытащил две бумажки и сыпанул махорки. Я снова поблагодарил и, уже затянувшись, сказал:

— Дед, ты так всёставляешь, будто все люди у тебя от рождения только о других и думы имеют. То олигархи у тебя зарплату рабочим в пять раз захотят повысить, то волонтеры твои... А меж тем, человек — существо исключительно эгоистичное, ленивое и помышляющее только об своей выгоде. Ещё всех равными хочешь сделать, а ведь неравенство — это один из самых эффективных естественных стимулов, который работает на инстинктах человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.